

В этой жизни его называли Ли Сяосяо. Звучало почти так же, как в прошлой, где он был просто Ли Сяо, только теперь имя превратилось в ласковое удвоенное «Сяосяо».

Черт, ну и девчачье же имя!

Но девчачье имя — это ещё полбеды. Настоящее отчаяние накрыло Ли Сяо, когда он понял, что его... гхм, полностью оженствовали.

Нет-нет, поймите правильно: пол он не менял и в женщину не превратился. Он по-прежнему оставался мальчишкой, и всё полагающееся мужчине хозяйство было при нём.

Вот только мир, в который его занесло, оказался с подвохом. Здесь существовал третий пол — «гэеры».

И теперь Ли Сяо — вернее, Ли Сяосяо — стал как раз таким гэером.

Слыхали про таких?

И речь не о «корешах» или «братках». Гэер — это причудливое, противоречащее всякой науке создание: с виду обычный парень, только с красной родинкой меж бровей, которому суждено выходить замуж и рожать детей.

В своей прошлой жизни Ли Сяо читал о подобном в сетевых романах — эдакая историческая версия знаменитого омегаверса, предел мечтаний для авторов пикантных историй.

Местные гэеры, конечно, не были столь изнеженными, как омеги из книжек, и течки у них не случалось, но ведь рожать-то им всё равно приходилось!

От этой мысли Сяосяо затрясло, и он поглубже зарылся в одеяло.

В памяти как назло всплыли безумные сюжеты, которые он когда-то почитывал ради любопытства: гермафродиты, футанари, беременно-лактационные кошмары, жуки-гермафродиты... вся эта дикая мешанина.

Представив себя в роли будущей мамочки, Сяосяо содрогнулся всем телом.

Тихо выругавшись, он под покрывалом принялся лихорадочно ощупывать себя сверху донизу. Облегчение нахлынуло лавиной: никаких анатомических сюрпризов. Грудь плоская, лишних отверстий не прибавилось, привычные органы на месте. Ли Сяо наконец выдохнул.

Радость, впрочем, быстро сменилась тревогой за будущее.

Пусть у гэеров и не было скрытых детородных путей, а мужское естество оставалось при них, жениться на женщинах они не могли. Каким биологическим чудом это объяснялось, Сяосяо не представлял, но реальность была сурова: продолжить род с девушкой ему не светит.

В династии Великая Янь гэеры стояли на социальной лестнице даже ниже женщин. Выбор у них был небогатый: либо замужество, либо рабский ошейник слуги.

И что самое паршивое — нынешние времена считались золотым веком для их братии.

Судя по обрывкам воспоминаний прежнего владельца тела, в прошлые эпохи гэеров держали на положении бесправного скота.

Теперь же им хотя бы позволялось самостоятельно вступать в брак. Будучи наполовину мужчинами, они отличались выносливостью, и в бедных крестьянских семьях их ценили как рабочие руки — порой даже больше, чем обычных невест.

А вот в домах знати и богачей, как судачили между собой управляющий Ли и братец Чжу, гэерам путь наверх был заказан. Ни одна законная супруга или невестка в приличном семействе не могла быть гэером — эту роль отводили исключительно женщинам. Максимум, на что мог рассчитывать смазливый юноша с красной отметиной, — стать любимой наложницей.

Сяосяо мысленно усмехнулся.

«Ну и ладно».

Дело тут было не только в сословных предрассудках, но и в банальной биологии: гэеры беременели гораздо реже женщин. А для богатых кланов, трясущихся над наследством и продолжением рода, бесплодный брак считался худшей катастрофой.

Из тех же сплетен брата Чжу выходила и другая забавная деталь: знатные дамы охотно сквозь пальцы смотрели на то, как их супруги или сыновья заводят хороших гэеров. Логика тут была проста до цинизма: раз забеременеть такому наложнику трудно, значит, и лишних претендентов на наследство не появится.

И мужу угодила, прослав добродетельной супругой, и от будущей грызни за имущество себя обезопасила. Неудивительно, что красивые гэеры ценились на вес золота.

Поэтому и жизнь у них складывалась по-разному.

Если природа одаряла мальчика-гэера смазливym личиком, в бедной семье его холили и лелеяли пуще законных наследников. Берегли как товар: стоило подрастить, дожидаться, пока расцветёт, а там через посредника продать в богатый дом. Вырученных денег порой хватало, чтобы вся родня до конца дней не знала нужды.

Невзрачным же или откровенно некрасивым гэерам везло меньше. Им оставалась либо тяжёлая крестьянская работа до седьмого пота, либо участь чернорабочих слуг на чужом дворе.

Ли Сяосяо тихо вздохнул.

Если подумать, ему ещё крупно повезло. Ну ладно, небесная канцелярия дала сбой, и он возродился гэером. Но ведь не в рабстве же, а в семье Ли!

Здесь его буквально носили на руках. Он был самым любимым, самым балованным поздним ребёнком.

Отец души в нём не чаял. Когда Сяосяо исполнилось десять, старик Ли пошёл на невиданный шаг — разделил имущество и расселил сыновей, чтобы все заботы и внимание доставались младшему.

Дома остался только старший брат, Ли Даосэнь, со своей семьёй. Остальных пятерых сыновей отец наделил серебром, выделил участки земли и, как только новые избы были срублены, без лишних церемоний отправил на вольные хлеба.

В Деревне Большого Ковша тогда долго судачили об этом решении.

Благо разъехались они неофициально, не меняя записей у старосты — вся большая семья Ли по-прежнему числилась одним двором. Сделай они иначе, отца с мачехой заклевали бы упрёками в жестокосердии. При разделении счетов государственную повинность и налоги пришлось бы платить каждому брату по отдельности, а это тяжкое бремя.

К тому же мачеха Сяосяо, Ши-ши, не была родной матерью старшим сыновьям. Старик Ли взял его в дом уже вторым браком. Случись официальный раздел счетов, злые языки мигом бы обвинили Ши-ши в коварстве: мол, мачеха-гэер сживает пасынков со свету.

А так всё вышло чин по чину. Разъехались мирно, по справедливости. Братья стали сами себе хозяевами, и им больше не приходилось отдавать львиную долю заработка в общий семейный котёл. Соседи только локти кусали от зависти.

Тяжела доля мачехи-гэера, но Ши-ши, вырастивший ораву чужих детей, наконец-то мог вздохнуть спокойно. Да и в доме без лишних глаз у них со стариком Ли начался второй медовый месяц.

Что ж, пусть с полом и вышла прошка, но Сяосяо снова рос в любви. Родители живы-здоровы, в семье лад. Грех жаловаться.

Раз уж судьба сделала такой крутой вираж, надо обживаться на новом месте.

Мысли путались, две совершенно разные жизни сталкивались в голове яркими вспышками. Сяосяо укрылся с головой, чувствуя, как наваливается тяжёлая, непреодолимая дремота. Смахнув выступившие от зевка слёзы, он закрыл глаза.

Прежде чем сознание успело разложить всё по полочкам, мальчик тихонько заснул, проваливаясь в глубокий, безмятежный сон.

<http://bllate.org/book/20616/2115720>